

Мас. 102.54

ЛИТЕРАТУРНАЯ БЕСѢДА.

Непоследовательность нашей журналистики въ дѣлѣ проведенія идей извѣтнаго рода, отиѣченная нами въ прошлой нашей бесѣдѣ, съ каждымъ днемъ сказывается ярче и ярче. Блестящій приѣзмъ этого можетъ служить постановка литературнаго дѣла въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, насколько можно судить по только что вышедшей ноябрьской книжкѣ этого журнала. Редакція этого своеобразнаго изданія, очевидно, въ конецъ потеряла свою латынь, осиротѣвши съ уходомъ г. Михайловскаго, блиставшаго своимъ застарѣлымъ либерализмомъ. Теперь, впрочемъ, редакція дамскаго изданія ликуетъ, залучивъ къ себѣ талантливаго беллетриста въ лицѣ г. Антона Чехова, но что общаго между этимъ хорошо одареннымъ писателемъ и тѣмъ направленіемъ, на развалинахъ котораго создала свое литературное прозябаніе г-жа Евреинова съ ея „категорическимъ императивомъ“ и военнымъ отдѣломъ, облыжно обѣщаннымъ легкомысленнымъ подписчикамъ?

Не входя въ разборъ ни всѣхъ предшествующихъ произведеній г. Антона Чехова, ни послѣдне-написаннаго имъ разсказа „Именины“ (ноябрь, „Сѣверный Вѣстникъ“), можно всегда сказать, что этотъ авторъ, какъ писатель и человѣкъ, по скольку человѣкъ сказывается въ своихъ произведеніяхъ, стоитъ головой выше всего, что составляетъ, помимо него, силы этой въ недоброй часѣ родившейся пѣниоснимательницы. Имя Антона Чехова—первое имя (послѣ г. Михайловскаго), присутствіе котораго на обложкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ не только возбуждаетъ живой интересъ, но и придаетъ свой характеръ всему изданію. Но редакція, очевидно страдающая истаніемъ мысли, все-таки ощущаетъ нѣкоторую робость при подобной перемѣнѣ диверса. Ибо, къ услугамъ злополучной редакціи, г. Мережковскій, вшедшій якобы въ редакцію, невинность соблудности, и капиталъ „Именины“, т. е. объяснить, почему „Сѣверный Вѣстникъ“ не можетъ обойтись безъ таланта г. Чехова. Но новшешій мѣръ Нововременнаго литературно-политическихъ и всякихъ дѣлъ, въ этой же ноябрьской книжкѣ...

ника“ г. Мережковскій помѣстилъ критическую статью, подѣ заглавіемъ „Старый вопросъ по поводу новаго таланта“. Къ сожалѣнію объ этой статьѣ серьезно говорить нельзя. Здѣсь вы встрѣчаетесь съ наборомъ трескучихъ, давнымъ давно затасканныхъ фразъ о задачахъ искусства, — фразъ, облеченныхъ въ натапнутыя сравненія изъ области музыкальныхъ впечатлѣній и уснащенныхъ красивыми словами. Такъ, напримѣръ, г. Мережковскій повѣсти и разсказы называетъ новеллами, полагая, вѣроятно, что этотъ терминъ для русскихъ читателей будетъ гораздо яснѣе, чѣмъ русское слово повѣсть. Впрочемъ, и г. Беневоленскій, въ разсказѣ Тургенева „Тетушка Татьяна Борисовна и ея племянникъ“, производитъ впечатлѣніе, называя Рафаэля „Божественный Санціо“, а Корреджіо— „неподражаемый де-Аллеграссъ“. Съ развязностью Тургеневскаго чиновала, восклицавшаго: „Эхъ Ваня, Ваня, на югъ бы намъ, на югъ... вѣдь мы съ тобой греки душой... древніе греки!“—г. Мережковскій, этотъ дрессированный стрижъ современнаго виршеплетства, съ легкимъ сердцемъ произноситъ свой судъ надъ кѣмъ бы вы думали? Надъ Байрономъ и Лермонтовымъ! Эти поэты, по мнѣнію вырожденка поэзіи нашихъ дней, „страстно любятъ природу, но къ людямъ относятся презрительно и свысока, пренебрегаютъ обыкновенными человѣческими характерами и бытовою стороной жизни, изображаютъ не живыхъ настоящихъ людей, а одного человѣка, одного героя—демона, Люцифера или Прометея, который является носителемъ и воплощеніемъ внутренняго міра самаго поэта“. Не станемъ уже говорить „о Байронѣ и о матеряхъ важныхъ“, но хоть своего—то соотечественника пощадить слѣдовало-бы. И что это за нравы утвердился въ нашей журналистикѣ, когда всякая литературная пиналица можетъ попусту тревожить священнѣйшія тѣни нашего прошлаго! Я знаю, что поэты, подобные г. Мережковскому, не могутъ чувствовать возвышеннои гуманности всей лирики Лермонтова и принимаютъ на свой счетъ хотя бы все ту же затасканную „Думу“, но неужели г. Мережковскому отшибло память на столько, что онъ

Мас.

Чехов и Мережковский

забылъ Валу, Максима Максимовича и „Казначейшу“. Стоит ли послѣ этого и разговаривать съ подофной критической шафкой, выпущенной изъ подворотни „Сѣвернаго Вѣстника“, съ цѣлью оправданія г. Чехова въ томъ, что въ произведеніяхъ его „нѣтъ того, что принято у насъ называть тенденціей“, и что „чувство, одушевляющее ихъ, не есть рѣзко-обозначенное политическое направленіе, а скорѣе нѣсколько неопредѣленная, расплывчатая, но задушевная, теплая гуманность“. Ново-испеченный критикъ до того замолдился, что даже завелъ рѣчь о „политическомъ направленіи“. Думаю, что г. Мережковский столько же смыслить въ какой бы то ни было политикѣ, сколько и въ музыкѣ, которую онъ тоже потревожилъ совершенно напрасно. Такимъ литературнымъ вертопрахамъ, изъ подъ пера которыхъ выходятъ „сугобо-смачныя“ статьи а-ля Мережковский, легче всего морочить глаза своими убѣжденіями: цензурныя, видите ли, условия не позволяютъ вполнѣ высказаться, а извольте-ка вылавливать какую либо идею изъ того ушата жидкой бурды, которая преподносится неспритязательнымъ читателямъ! Скажемъ только г. Мережковскому, что по меньшей мѣрѣ недобросовѣстно подсовывать въ своихъ разсужденіяхъ вѣсто идеи—тенденцію, вѣсто міросозерцанія—политическое направленіе. Въ произведеніяхъ г. Антона Чехова нѣтъ ни политическаго направленія, ни тенденціозности, но есть задатки стройнаго міросозерцанія, есть не перебродившія еще, но здоровыя идеи, которыя постепенно облекаются на его поэтическомъ языкѣ въ изящныя и живыя формы.

Высшее могущество художника состоитъ въ томъ, чтобы заставить людей смотреть на міръ его глазами, направить ихъ взоры въ такіе тайники жизненнаго многообразія, куда никогда не проникалъ свѣтъ Божій и гдѣ во тьмѣ крошечной плодятся микробы человѣческихъ несчастій. Въ этомъ стихійная сила творчества. Но вѣдь и вода, при паденіи, равно какъ и обращенная въ паръ, встрѣчая противодѣйствіе; также представляетъ могучую силу. Направленіе этой силы зависитъ отъ искусства мастера и умѣнья его соображаться съ данными дѣй-

ствительности. По отношенію къ силѣ природы дѣло облегчается тѣмъ, что мастеръ со здоровой головой самъ по себѣ, а сила сама по себѣ, и „дѣло“, какъ извѣстно, „мастера бонтса“. Мастеръ заставляетъ внѣ его находящуюся силу служить его задачамъ.

Не въ такомъ положеніи художникъ: сила творчества находится въ немъ самомъ. Чтобы ее объективировать, надо самому до извѣстной степени раздвоиться, надо заставить свой умъ смотрѣть спокойно, безстрастно на силу творчества, составляющую самое по себѣ нѣчто совершенно независимое отъ ума,—надо, чтобы умъ, этотъ владыка человѣческой природы, этотъ демонъ, котораго признавалъ въ себѣ Сократъ, эксплуатировалъ вѣдрившуюся въ томъ-же человѣкѣ силу творчества, точно также, какъ техникъ эксплуатируетъ внѣ его находящіяся силы природы.

Спокойная сила творчества, можно сказать, брызжетъ въ произведеніяхъ г. Чехова; его воображеніе переполнено впечатлѣніями, картинками; но онъ, видимо, не справляется еще съ тѣмъ богатствомъ, которымъ его наградила Богъ. Въ своей коронной вещи „Степь“, г. Чеховъ показалъ себя виртуозомъ изобразительности, но не онъ здѣсь распоряжается пережитыми имъ впечатлѣніями, а эти впечатлѣнія сами увлекаютъ его, нагромождаясь въ непродуманные художественные конгломераты.

Въ послѣднемъ своемъ разсказѣ „Именины“, г. Чеховъ вноситъ въ свое творчество уже иное начало. Передъ вами тотъ-же чуткій наблюдатель, но уже начинающій сознавать цѣну каждому своему наблюденію, каждому штриху, который онъ кладетъ на полотно своей, живыми красками набросанной, картины. Вы видите передъ собою какъ живыхъ молодыхъ интеллигентныхъ супруговъ, волею судебъ снабженныхъ хорошими матеріальными средствами, и въсь ихъ деревенскій антуражъ. Въ ихъ распоряженіи все, что по общепринятымъ понятіямъ, служатъ для счастья: молодость, красота, здоровье, богатство, счастливый бракъ и ребенокъ, который долженъ родиться черезъ два мѣсяца. Чего бы, кажется, еще нужно этимъ людямъ? А между тѣмъ нѣтъ ни по себѣ. Собрали они

В уклад.

Разомъ ?
мил-то

къ себѣ въ домъ гостей и не знаютъ, какъ отъ нихъ „сдыхаться“, какъ говорятъ въ Малороссіи. И мужъ, и жена сами по себѣ вполне порядочные люди, искривлялись до послѣдней степени, и въ живомъ изображеніи талантливаго автора, безошибочно раскрывающаго подоплеку своихъ героевъ, рисуется такая душевная пустота, что, какъ говорится, за челоука становится страшно. Съ первыхъ же строчекъ повѣсти, героиня ея нарисована во весь ростъ: „послѣ именинаго обѣда съ его восемью блюдами и безконечными разговорами, жена именинника, Ольга Михайловна, пошла въ садъ. Обязанность непрерывно улыбаться и говорить, звонъ посуды, безтолковость прислуги, длинные обѣденные антракты и корсетъ, который она надѣла, чтобы скрыть отъ гостей свою беременность, утомили ее до изнеможения“. Не менѣе живописецъ и супругъ этой несчастной дамы, про котораго авторъ рассказываетъ слѣдующее:

„Когда Петръ Дмитриевичъ влюбился въ Ольгу Михайловну и ухаживалъ за нею, то отъ него вѣяло на нее чѣмъ-то новымъ, молодымъ, бодрымъ. Бывая у нея въ Москвѣ на квартирѣ и встрѣчаясь тамъ только со студентами и курсистками, онъ не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ, высказывалъ самыя консервативныя идеи: отрицалъ судъ присяжныхъ, земство, городское положеніе, бранилъ адвокатуру, шутилъ надъ жевскимъ вопросомъ. Въ кружкѣ Ольги Михайловны, гдѣ казались даже воздухъ сперся и застылъ оттого, что всѣ мысли на одинъ образецъ, говорили изо дня въ день одно и тоже, молчали все одними и тѣми же богами, такая свѣтлость не могла не имѣть успѣха... Либеральная Ольга Михайловна на первыхъ порахъ объявила своимъ подругамъ, что она „съ этимъ красивымъ будочникомъ“ не имѣетъ ничего общаго, но влюбившись въ него и сдѣлавшись потомъ невѣстой, она не безъ гордости называла его „мой монсторъ“, мой Саванарола“.

Ни школа либерализма, которую прошла жена, ни дешевый консерватизмъ, которымъ щеголяетъ мужъ, не дали имъ самаго важнаго, что скрашиваетъ жизнь! самостоятельности мысли и

дѣйствій. Это все тѣ же фарисеи, которые по прежнему никакъ не могутъ сообразить—суббота ли для челоука или челоукъ для субботы, а потому и топчутъ свое личное счастье и свои лучшія душевныя и умственныя способности въ морѣ мелочей повседневной жизни, создавая за неимѣніемъ никакого другаго культа, культъ „хлѣба и зрѣлища“. Это развитая женщина и навѣрное читала и читаетъ „Сѣверный Вѣстникъ“, на страницы котораго попала волею своеюравнаго Новизменца, но не сумѣетъ даже выносить, какъ слѣдуетъ, ребенка, а бронзовый консерваторъ не сумѣетъ уберечь жаду на восьмомъ мѣсяцѣ беременности, отвлеченный обязанностями любезнаго хозяина у себя на именинахъ.

Какъ не покрасѣли страницы „Сѣвернаго Вѣстника“, воспринимая на лоно свое вышеприведенныя строки талантливаго автора!

Редакція злополучнаго журнала, убѣдившись на опытъ, что изъ того лагеря, который опуталъ ее въ свои сѣти, ничего путнаго не дождешься, обратилась въ Назаретъ и сняла г. Чехова, а теперь г. Чеховъ, затинивъ своимъ дарованіемъ всю ту шушеру, которая до сихъ поръ копошилась въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, разведеть, быть можетъ, новыми дрожжи въ этой пѣнокоснимальницѣ, которая, съ перваго дня, своего существованія и до сихъ поръ, представляла собою „плодъ, до времени созрѣвшій“.

Станетъ-ли на это у г. Чехова свѣлости и искренности—покажетъ время. Г. Чеховъ далеко еще не тотъ мастеръ, въ которомъ сознание овладѣло силою творчества, и ему еще много нужно надъ собою работать въ этомъ направленіи, но только, конечно, не подъ влияніемъ фарисеевъ „Сѣвернаго Вѣстника“, которые передъ нимъ такіе же „мальчишки и щенки“, какъ Боско передъ Кречинскимъ, если только въ данномъ случаѣ покойный Расплюевъ не ошибался. А, впрочемъ, поживетъ—увидимъ.

Евгеній Гаршинъ.